

Принципы Берлинского

Знаменитый виолончелист не прощает халтуры и не предаёт друзей

Александр Славущий

Народный артист России Валентин Берлинский входит в элиту отечественных музыкантов. Он является одним из основателей и бесменным виолончелистом квартета имени А.П. Бородина, отмеченного Книгой рекордов Гиннеса в качестве старейшего камерного ансамбля России — 17 января коллективу исполнилось 60 лет. А вчера сам Валентин Александрович отметил 80-летний юбилей.

— На одном из ваших юбилейных концертов прозвучал доселе неизвестный квартет Дмитрия Шостаковича. Как это случилось?

— Почти мистическая история. Специалистам было известно о существовании такого сочинения. Например, сохранилась переписка Шостаковича, где упоминается об этом квартете. Кроме того, один известный музыковед в своих воспоминаниях писал, что Дмитрий Дмитриевич начал сочинять квартет, а потом почему-то бросил. И когда у него спросили, где же ноты этого квартета, композитор ответил, что сжег их. Но доподлинно известно, что Дмитрий Дмитриевич ничего из написанного им не сжигал, поскольку все не доведенное до конца использовал в других произведениях. Так что судьба этого таинственного квартета в течение десятилетий занимала умы исследователей, пока наконец несколько месяцев назад в домашнем архиве не был найден этот никогда не исполнявшийся ранее квартет. Первая часть, набело переписанная почти до конца, и эскизы второй и третьей частей. Роман Леденев по нашей просьбе закончил первую часть. Жаль, что по име-

ющимся материалам дописать вторую и третью части невозможно...

Как известно, Дмитрий Дмитриевич Шостакович писал квартеты, адресуя их первое исполнение квартету Бетховена, состоявшему из его однокашников и друзей. Я завидовал им белой завистью, хотя и понимал, почему Дмитрий Дмитриевич отдавал первое исполнение именно «бетховенцам». И вот совершенно неожиданно моя давняя мечта — первым сыграть квартет Шостаковича — сбылась.

— Действительно, мистика...

— В музыке вообще очень много мистики. Она проявляется самыми различными способами, иногда совершенно неожиданно. И как это раскроется в очередной раз, предсказать невозможно.

— И вы, несмотря на огромный опыт, по-прежнему волнуетесь перед выступлениями?

— А иначе невозможно! Я знаю, как волновались перед концертами Святослав Рихтер и многие другие прославленные музыканты. Например, Давид Ойстрах как-то у меня спросил, волнуясь ли я перед концертом, а потом сам признался, что тоже очень переживает. И когда идет на концерт в Большой зал консерватории пешком от Никитских Ворот, то с надеждой думает: а может, зал сгорел и концерт не состоится? Но волнение бывает разным. Дрожи в коленках и в руках я не испытываю.

— Есть ли у вас принципы, через которые вы никогда бы не могли переступить?

— Да, конечно. Своим ученикам и внукам говорю, что нет ничего хуже, чем предательство. И когда несколько раз в жизни мне приходи-

лось с чем-то подобным сталкиваться, убеждался в том, что это самое обидное — разочароваться в человеке, которому ты открыл душу, а он тебе ответил изменой. Так что на предательство я не способен. Так же ни себе, ни ученикам, ни коллегам не прощаю халтуры. Вот, наверное, две самые важные для меня заповеди.

— Конкуренция в творческой среде — обычное дело... Однако я читал, что вы дружите с Мстиславом Ростроповичем. Так ли это?

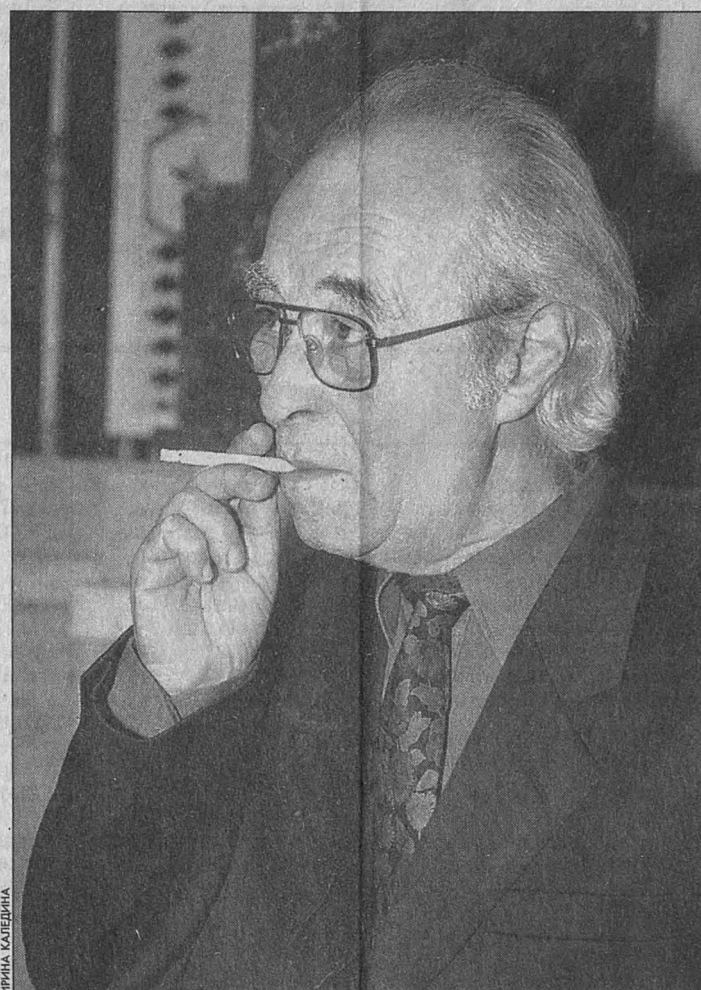
— Совершенно верно, несколько лет назад мы с ним отпраздновали 50-летие нашей дружбы. Она началась еще во время войны, когда мы вместе учились в консерватории у профессора Семёна Козолупова. В то время наш студенческий квартет только начинал свое существование, и никто не знал, каковы его перспективы, будет ли он существовать дальше и в каком именно составе. И мы с ним являлись в некотором смысле конкурентами, но это не мешало нам дружить. Позже, когда я преподавал в музыкальном училище Ипполитова-Иванова, а он — в консерватории, то самых талантливых своих выпускников я направлял к нему.

— В годы его изгнания из страны ваша дружба продолжалась?

— Да, и я был одним из многих филармонических музыкантов, кто поддерживал с ним отношения.

— Наверное, рисковали?

— Определенные проблемы были. Однажды меня даже вызвали в соответствующие органы и сказали, что хорошо бы нам перестать общаться. Но я в довольно резкой форме им отказал, сказав, что мы с Ростроповичем друзья. А друзей я не предаю!

ИРИНА КАЛЕДИНА

«Патриотизм — это не березки...»

— Ваш квартет постоянно выступает за рубежом. Скажите, не превращается ли при таком образе жизни понятие «родина» во что-то условное и относительное?

— Мне даже как-то странно, что вы задаете такой вопрос. Если бы Россия не была для меня родиной, я бы давно уехал, таких предложений поступает достаточно. Но я не уезжаю, и это принципиальная позиция. К сожалению, слову «патриотизм» сейчас очень часто придается какое-то дурное, иногда даже насмешливое ругательное значение. Для меня же патриотизм — это не березки и не девушки на бе-

регах реки Оки, кажется, так поется в песне, а гораздо более глубокое понятие. Здесь дело в менталитете, в самом принципе восприятия культуры. Я ни на что не променяю наших слушателей. Самый сложный экзамен для меня — концерт в Большом или Малом залах Московской консерватории. Нигде за рубежом я с таким трепетом и волнением не играю, как в Москве. Да и не только в Москве, то же самое я могу сказать и о Нижнем Новгороде, Воронеже, Саратове... Эта аудитория мне гораздо ближе и дороже, чем публика в Германии, Франции, Англии...